

ОБЩЕРУССКОЕ СЛОВО В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ (на материале архангельских говоров)

М. К. Пак

В современной лингвистической науке общепризнано мнение, что в языке как духовной «памяти народа» семантически и грамматически маркируется всё то, что имеет практическую ценность в его повседневной жизни. Известно, что диалектная система представляет собой особую архаичную систему, в которой сконцентрирована ценная информация о языке на диахронном и синхронном уровнях, манифестирующая различные сведения лингвокультурологического плана. Несмотря на аксиоматичность важности и ценности диалектного материала, до сих пор остаётся актуальной задача изучить этот «уникальный гносеологический и культурный феномен, определить универсальные и уникальные составляющие, а в результате — определить пути создания новой модели целостного описания диалектной картины мира»¹.

Диалектная система, являясь частью общенародного языка и системой, сохранившей архаичные исторические языковые явления и характеризующейся отсутствием кодифицированности и нивелировки, позволяет реконструировать и воссоздать наивную картину мира, близкую к историческим истокам, а также «прогнозировать» её развитие. «Картина мира диалектов ... не является фрагментами картины мира национального языка, а напротив, будучи субстратом последней, они сохраняют в течение определенного периода времени после создания национального языка особые качества, связанные с их большей близостью к исконным занятиям человека, традиционному образу жизни, натуральному хозяйству», — точно замечено О. А. Радченко, Н. А. Закуткиной².

Диалектная система как разновидность общенародного языка имеет свои средства и способы преобразования мира в дух, культурную память народа, расшифровка которой волновала многих исследователей. Материалом для настоящей статьи послужили картотека Архангельского областного словаря (АОС), экспедиционные материалы, хранящиеся в кабинете русской диалектологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Культурное наследие народа сохранилось и представлено сегодня не только в материальных экспонатах, но и в языковых единицах, которые зачастую являются единственными «свидетелями» далёкого прошлого. В современной лингвистической науке известны исследования различных групп слов, которые представляют собой индикаторы этнокультурного своеобразия: безэквивалентная, фоновая лексика, слова, обозначающие уникальные явления не только материальной, но и духовной культуры народа. Ценностно-окрашенными языковыми единицами могут быть не только безэквивалентная лексика, концепты культуры, но и общенародные слова. Согласно теории Дж. Лакоффа, значимыми концептами базового уровня являются вода, дерево, камень, грязь, голод, боль, люди, лошадь, кошка, стул, стол, дом. С разных позиций, методик отбора слов для выявления культурологического компо-

нента, на наш взгляд, определённый интерес представляет рассмотрение общерусских существительных (ОС) как источника этнокультурной информации.

В процессе познания окружающего мира человек, выделяя определённые объекты, явления, «денотатирует» отдельные характерные его свойства, качества, признаки, что фиксируется в лексических значениях. Понимая под конкретным предметом неживой неодушевлённый материальный объект, который может быть воспринимал нашими органами чувств как нечто отдельное, выделяемое в определённых пространственных формах (*дом, дерево, солнце, ложка* и др.), диалектоноситель интерпретирует действительность посредством созданных им языковых единиц. Лексикализуется в языке то, что является для человека важным, существенным, означивание производится через призму этнокультурного мировидения. ОС, обозначающие самые распространённые предметы, явления, берутся за основу общепринятого, «стандартного» видения. Носитель языка, в данном случае деревенский житель, проводит устойчивые ассоциации, как правило, с позиции хозяйственной, практической ценности.

Конкретная, предметная лексика в диалектной системе отличается культурологической дефиницией. Чётко выделяются слова, в которых культурно-исторический компонент входит в структуру значения, отражённый в его толковании. Специфическое, национальное (культурное, бытовое, ремесленное и т. п.) содержание значения слова в АОС находит отражение в словарной статье. Словарная статья диалектных словарей представляет собой богатый источник информации, благодаря которой повышается общекультурный, профессиональный, научный уровень читателя. Толкование в АОС — чаще всего при описаниях обрядов, верований, хозяйственных построек, сельскохозяйственных орудий — содержит интересную этнокультурную информацию, которая позволяет представить картину жизни диалектоносителей не только сегодняшнего дня, но и отдалённого прошлого. Внесение в определение дополнительных уточняющих признаков, полно и ясно характеризующих предмет, явление, приводит в отдельных случаях к энциклопедическому толкованию, представляющему определённую значимость не только для лингвистов, но и фольклористов, историков, этнографов, всех, кого интересуют вопросы истории культуры и языка. Так, *доска* — «устройство для игры — уложенный на чурбан широкий плоский кусок дерева, на концы которого поочередно прыгают участники игры», *веко* — «деревянная или сплетенная из дранки, скрепленная ободом посуда типа большого глубокого подноса» и др.

Семантические диалектизмы, как этнографизмы, собственно лексические диалектизмы, являются одним из способов передачи видения мира диалектоносителем. Языковая картина запечатлена прежде всего в значениях слова, грамматической структуре, представляющих интерпретированную окружающую действительность в единицах языка человеком. В архангельских говорах отмечены семантические структуры слов, где представлены лексические значения, которые уходят в далёкое прошлое, а могут быть и современными. В целом они отражают изменения в структуре знания об обозначенном и сохраняют отчасти исторический опыт предыдущих поколений. Будучи базисной единицей, составляющей ядро лексикона,

ОС служили материалом для обозначения разных предметов и явлений привычного повседневного быта, природы, что позволяет выявить своеобразие видения окружающего мира, установить определённые мотивационные связи, отношения между предметами, проследить членение континуума действительности на ранних этапах развития языка. Ассоциативным основанием для метафорической номинации объектов реального мира и их свойств часто выступают реалии повседневной практической жизни. Если мы хотим оценивать ситуации объективно, то должны сохранить понимание носителей диалекта базового уровня и образно-схематическое понимание в материальной, физической области, оставить в неприкосновенности непосредственно значимые концепты. Ассоциативные связи, устанавливающие отношения между элементами различных объектов, формируются на основе указания на объективные явления в жизни общества. В зафиксированных оценочных номинациях чётко прослеживается связь человека с природой: образные ассоциации прагматического субъекта, богатый имплицативный потенциал зоонимов, фитонимов.

Диалектная система как одна из разновидностей общенародного языка отличается территориальной закреплённостью, что позволяет характеризовать её как систему, которая определяется также и экстралингвистически. Представления об окружающем мире, свойственные диалектоносителям, находят отражение в семантике языковых единиц. Семантическая структура ОС даёт надёжный материал для этнографических обоснований. Трудно не согласиться с академиком О. Н. Трубачёвым, когда он пишет, что «через лексику — к культуре, к этническому прошлому народов»³. Этнокультурную специфику, определяемую условиями жизни народа (географическим расположением, укладом, обычаями и традициями), имеют существенные, обозначающие природные явления, строения, одежду, головной убор, ремесленные занятия. В языке как знаковой системе, выступающей посредником между человеком и окружающим миром, лексикализации подвергается присущая рассматриваемой территории природно-климатическая среда. Культурологическая информация о погодно-климатических условиях, об укладе хозяйственной жизни прочитывается прежде всего в семантике слова. Так, климатические, природные особенности северного края отражают следующие лексемы и устойчивые сочетания: **весна** — «теплое время года, период, противопоставленный зиме», **зима** — «самое холодное время года, период, противопоставленный лету» и др. В данном случае наблюдается древнее двучленное деление астрономического года. Лексемы *зима*, *север* могут выступать семантически взаимозаменяющими единицами: зима «север», север «зима». Вполне объяснимо и зафиксированное значение «холод» существительного *север*. В рассматриваемых говорах представлен персонифицированный Север, появление которого можно объяснить отсутствием уверенности человека на ранних этапах исторического развития в том, что наступит весна. Зафиксированы яркие примеры, где акцентируется «злость» високосного года для Севера, невозможность счастья в случае постройки дома окнами на север. Ветер, мороз в суровых климатических условиях Севера являются причиной простудных заболеваний, чем объясняется развитие переносного значения («название болезни») в этих существительных.

Специфические природные явления Севера отражены в следующих устойчивых сочетаниях: **тёмная ночь** — «северная ночь», **свет, белая ночь, светлая ночь** — «северная летняя ночь, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без наступления темноты», **время светлое** — «период года с наиболее длинными днями и короткими ночами», **время тёмно(е)** — «период года с наиболее короткими днями и длинными ночами» и др. Как результат такой природной особенности появились выражения **серого коня из огорода не видно, под кустом серого коня (сива коня, белу лошадь) не видно**, благопожелание **досвиданья на тёмную ночь** «пожелание хорошего сна, отдыха на ночь осенью и зимой; спокойной ночи». Специфические удивительные природные явления обозначают фразеологизмы: **рябиновая (рябова) ночь** — «ночь, когда молния ходит по небу, ярко освещая вокруг» (созревшие в это время плоды рябины при ослепительном освещении молнией ночью дают яркий ответ, что положено в основу номинации), **малая река** — «небольшая речка», **сухая гроза** — «гром и молния без дождя», **белой бор** — «место в лесу, поросшее ягелем» и др. Поскольку на рассматриваемых территориях, окружённых водой и богатых водными массивами, распространён рыбной промысел, то отмечаются и различия рыбы в зависимости от цвета чешуи, мяса и другим признакам: **белая рыба, светлая рыба** — «ценная промысловая рыба со светлой окраской чешуи», **черная рыба** — «промысловая рыба с темной окраской чешуи» и др.

В рассматриваемых говорах отмечается широкое функционирование ОС, обозначающих ветер (*враг*³ — «сильный ветер, буря», *буря* — «сильный ветер», *голова* — «первый, сильный, порыв ветра», *север* — «северный ветер», *холод* — «холодный северный ветер»; состояние воды (*вода* — «во мн. ч. повышение уровня морской воды при сильном ветре с моря», «состояние морской воды между двумя приливами или между приливом и отливом; время между приливами», «изменение уровня и состояния воды в море во время морского прилива или отлива, стадия, фаза этого изменения», «движение воды во время морского прилива или отлива, морское или речное течение», *дорѣжная вода* — «дождевая вода, стекающая по продольным углублениям кровельной доски», *дроговая вода (дроговые воды)* — «состояние морской воды во время начала прилива, после окончания отлива», *вёиной лёд* — «подтаявший непрочный лед на реке весной» и др.

Сохранившийся в русских народных говорах большой пласт древней лексики с уникальными архаичными значениями даёт богатый материал для восстановления в значительном объёме системы номинаций, отражающих реалии культуры на диахронном уровне. Древняя культура сегодня живёт в языке благодаря лексике, фиксирующей объективно ранее существовавшую картину действительности. В архангельских говорах широко представлена номинация, обозначающая строения жилища. Суровые климатические условия определяли особенности строения жилого помещения: чтобы было теплее, дом ставится на высоком фундаменте или строится в два этажа. Зафиксированные устойчивые сочетания, в составе которых ОС **двосжирной дом, дом с верхами (верхом), дом на подвалах, дом на подызбицах** («двухэтажное жилое бревенчатое строение»), отражают определённый этап

домостроения, со временем уходящий в историю. В архангельских говорах широко функционируют устойчивые сочетания, обозначающие различные типы постройки домов: **крестовой дом** — «дом, состоящий из четырёх срубов, составляющих квадрат», **круглой дом** — «одноэтажный крестьянский дом, состоящий из одного сруба», **курной дом, рудной дом, чёрной дом, чёрная изба** — «дом, который отапливается “по-чёрному” — печью без выводной трубы» и др.

Суровые климатические условия наложили отпечаток и в случае, когда слово *дом* имеет как общее значение жилого помещения, так и части строения («жилая часть крестьянского дома», «нежилая часть крестьянского дома, используемая для хозяйственных нужд»); или *двор* как общее обозначение «совокупность жилых и нежилых помещений под одной крышей, дом», как часть дома «нижняя задняя часть крестьянского дома, в которой помещается скот», «не утепленная часть помещения для скота в нижней задней части крестьянского дома». В данном случае семантика представленных существительных передаёт модель устройства жилища в специфических природных условиях: учитывая суровый северный климат, сельский житель строит под одной крышей большое строение, внутри которого помещения разного предназначения – жилые, хозяйственные. Интересно, что жилая часть крестьянского дома конкретизируется следующими отражёнными в словарной статье значениями, оттенками: **дом** — «жилая часть представленного дома, состоящая из нескольких рубленых помещений», «жилое помещение, расположенное на втором этаже крестьянского дома», **низ** — «нижний этаж двухэтажного дома», **верх** — «верхний этаж двухэтажного дома», **верной угол, большой угол** — «угол, где вешали иконы, красный угол» и др.

Важность других хозяйственных построек в деревенском укладе жизни подтверждается следующими устойчивыми сочетаниями: **верхней двор** — «задняя верхняя часть крестьянского дома, используемая для хранения сена, хозяйственной утвари и т.п.», **нижней двор** — «нижняя задняя часть крестьянского дома, в которой помещается скот», **верхней мост** «коридор, сени на втором этаже дома», **баня бела(я)** — «баня с кирпичной печкой и печным дымоходом», **баня чёрная** — «баня с очагом из камней, не имеющим выводной трубы», **ворота поветные, ворота звозовые** — «ворота, ведущие с деревянного бревенчатого настила на сеновал, второй этаж хозяйственной части дома с наружной стороны двора». Особенности административно-территориального членения населённых пунктов нашли отражение в следующих существительных: *погост* — «несколько деревень, под общим управлением и одного прихода», «центр административно-территориальной единицы»; *куст* — «несколько деревень, объединённые одним административным центром», *деревня, конец* — «одна из группы близлежащих деревень, представляющих собой территориально-административное целое; часть села» и др.

Характерные реалии действительности, местное экзистенциональное пространство отражены в диалектной системе. Многие нарицательные имена используются в названиях населённых пунктов, сенокосных угодий. В архангельских говорах в качестве топонимических названий выступают следующие ОС: *берег, бор, вершина, голова, гора, гребень, гряда, грязь, губа, двор, деревня, дно, дорога, душа,*

дурак и др. Характер ландшафта, фауны и флоры как отличительные природные ориентиры послужили базой для обозначения населённых пунктов на территории рассматриваемых говорах. В данном случае мы можем говорить и о том, что окружающее природное пространство воспринимается носителями как организованная, гармоничная, правильная сущность, которая используется как модель.

Наиболее частотными топонимическими обозначениями, отражающими особенности местности, отмечены следующие ОС: гора, нос, песок, — что позволяет говорить о типичном ландшафте. Учитывая экстралингвистические факторы номинации, следует отметить, что топонимы отражают характерные физические признаки самого объекта, отношение данного объекта к другим, социальную оценку объекта. Номинация объектов может осуществляться по-разному, то есть с опорой на какое-либо слово или же без опоры на него, в единственном (преимущественно) или множественном числе. В первом случае мы имеем дело с мотивированным названием, а во втором — с немотивированным.

Логика концептуализации действительности, присущая традиционной крестьянской топонимии, объяснима. Так, частотность функционирования топонима *погост* объясняется исторически сложившимися лексическими значениями слова — «несколько деревень, под общим управлением и одного прихода», «особый вид селения с церковью, кладбищем», «расположенная в стороне от села церковь с кладбищем и с прилегающим двором притча». Или нарицательные существительные *село, деревня*, обозначающие крестьянские селения, стали собственными именами. Двухкомпонентные топонимы, где определение указывает на отличительный признак, представляют характерную градацию особенностей ландшафта, размера населённого пункта и др. Например: Ис Ка́менки до *Дорог[ий] Гор[ы]* ходит. ЛЕШ. Вжг. Какой-то прийёхал из *М[алой] Дер[евни]* да ни сказа́лся. КРАСН. ВУ.

Для носителей диалекта, жизнь которых проходит в такой географической полосе, где преобладает водные, лесные массивы, играют естественно существенную роль река, лес, отсюда их актуализация. Осмысление окружающего мира находит выражение в лексических значениях ОС, и концепты, отражающие мировидение, входят в семантический континуум, который является смысловой базой для формирования значения рассматриваемых существительных. В архангельских говорах богато представлены наименования элементов флоры и фауны, широко распространённых на указанной территории и популярных среди деревенского населения. Так, в картотеке АОС зафиксировано огромное количество названий грибов, отразивших разные признаки: лиственничная губа, полевой гриб; осиновый гриб, березовой гриб; красная губа, чёрной гриб, синяя губа; спасовской грузель, богородская губа и мн. др. Обилие их на территории анализируемых говоров отразилось и в устойчивых сочетаниях, обозначающих образное сравнение гриба с человеческой жизнью: где (тут) **гриб (корень) вырос (вырастет)**, **здесь (там, тут) и выгнил** «где (кто-н.) родился, там и умрет» (*П[авлов] да Ив[анов], каг гриб[ы] пог[иных] (посл.). ВИН. Зст.*).

Фразеология, являясь экономной и вместе с тем ёмкой в содержательном плане знаковой системой, надёжным средством осознания реальной действительности,

представляет кладёзъ богатства, накопленного на протяжении многовекового бытия говорящего человека, национально-культурные коннотативы. Фразеологизмы в архангельских говорах ёмко отражают особенности материальной, духовной культуры диалектоносителей. Например, строения (*двойной дом, двоежирной дом, двухжирной дом, дом с верхами (верхом), дом на подвалах, дом на подызбицах, рудной дом, чёрной дом, чёрная изба*), болезни (*вода тёмная (чёрная)* — «болезнь глаз, сопровождаемая слепотой», *летучей огонь* — «золотуха», *онтоноев огонь* — «гангрена»), игры (*доить солому, белка на дереве*), праздники (*съезжой праздник* — «праздник, на который съезжаются гости из других деревень», *гостёбная неделя* — «праздничная неделя, в течение которой гости остаются жить в деревне, где отмечается престольный праздник»), мифологические представления (*дорогу открыть* — «по суеверным представлениям, с помощью колдовства вернуть возможность уехать, уйти откуда-нибудь или приехать, прийти куда-нибудь», *дать слово (слов, слова)* — «оказать действие на кого-нибудь. набором слов и выражений, имеющим, по суеверным представлениям, магическое и целебное воздействие», *ступит в след, след, делать след, поставить на круг* — «по суеверным представлениям, навести порчу на животных»), исторические явления (*белые деньги* — «денежные знаки, выпущенные во время гражданской войны правительством белых», *царская дорога* — «дорога, проложенная при царе и ведущая в столицу», *мёртвая душа* — «надел земли, оставшийся после чьей-нибудь смерти»), *ревизская душа* и т. д. Описание лексико-грамматического состава фразеологизмов и концептуальной модели внутренней формы позволяет раскрыть культурно-национальный аспект. Во фразеологизмах аккумулированы характерные черты менталитета носителей языка.

«Человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа», — пишет Н. А. Маслова⁴. Диалектоноситель точно примечает свойства и качества предметов, явлений окружающего мира, отражает в языковом сознании, выстраивает их в определённой системе, фиксирует результаты освоения окружающего мира и его объектов языковыми единицами.

¹ Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиотнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25.

² Там же.

³ Трубаев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Филологические науки. 1998. № 3. С. 3–14.

⁴ Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 51.